
Ямиля Нарт
Ложная истинная или спасти нельзя жениться

Ямиля Нарт

Ложная истинная или спасти нельзя жениться

https://litres.ru/74732803
SelfPub; 2026

Аннотация

Погибла под колёсами грузовика — а очнулась в теле сопливой аристократки, которую насильно выдают замуж за дракона-красавчика.

Женишок, Кристиан Блэквуд, оказался ещё тем подарком: в брачную ночь планирует отобрать мой дар и прикончить. А моя «лучшая подруга» уже носит его метку истинной пары на плече. Классика драконьих разборок, да?

Единственный, кто предлагает помощь — наследный принц Адам Дрейвен. Холодный, властный, смертельно больной. Он тоже хочет мой дар и мою жизнь. Бонусом — фальшивая метка истинной пары и фиктивный брак.

Конечно, я согласилась. А потом сбежала.

Ведь я не собираюсь быть расходным материалом. Я сбегу, поменяю внешность, открою свою собственную лечебницу.

Мне предстоит спасти умирающего принца от древней болезни, доказать, что настоящая связь не нуждается в подделках, и, возможно, растопить сердце того, кто должен меня убить.

Ямиля Нарт
Ложная истинная или спасти нельзя жениться

Глава 1. Волосы длинные, жизнь короткая

Грузовика я даже не увидела. Просто звук клаксонов, паникующий мат водителя, хруст собственных рёбер, короткое острое удивление в тот момент, когда асфальт ушёл из-под ног. Затем последовала темнота.

Меня разбудил чужой голос. Высокий, панический, он бил прямо в барабанные перепонки.

— Госпожа! Госпожа, вставайте! Ваш жених уже здесь!

Я открыла глаза.

Надо мной был потолок из тёмного дерева с резными балками. В углу комнаты стоял массивный каменный камин с чадящими поленьями. На стенах горели свечи в железных подсвечниках. Висели гобелены с вышитыми драконами.

Я моргнула.

Попыталась сесть, и тело не слушалось. Одеяло сползло. На мне была ночная рубашка из хлопка, грубого, с кружевом, которое царапало ключицы. Грудь оказалась маленькой, куда меньше моей прежней.

Передо мной стояла молодая девушка в переднике, на голове чепец, щёки красные.

— Какой жених? — мой голос прозвучал чуждо.

Девчонка посмотрела на меня с ужасом.

— Господин Блэквуд, — прошептала она. — Он приехал на день раньше. Сказал, что хочет видеть вас перед церемонией.

Воспоминания накинулись на меня, как свора голодных псов. Меня звали… Элинор? Хрупкая, запуганная. Мелькали лица, комнаты, платья, унизительные сцены, где какая-то женщина в корсете кричала на ту, чьё тело я теперь занимала. Отец с вечно красным носом, считающий монеты на столе. А потом лицо — красивое, с резкими скулами и холодными глазами, мужское, с лёгкой усмешкой.

Кристиан Блэквуд.

Нет, я не Элинор. С трудом открестилась от наплывающих воспоминаний.

Меня зовут Алина Григорьевна Соболева, тридцать четыре года, врач. Я пережила ковид, двух начальников отделения и один разрыв аневризмы у себя в перерыве между операциями. Я не могла умереть под колёсами грузовика.

Но я умерла.

Я помнила, как передала смену. Помнила, как вышла из больницы в три часа ночи, как хлестал дождь, как я сунула руки в карманы куртки и достала наушники.

Служанка, которую звали Милли — это знание тоже воз-

никло из ниоткуда, — присела на край кровати и зашептала, косясь на дверь:

— Госпожа, вы должны бежать.

Я посмотрела на свои руки. На левом запястье был тонкий шрам. Элинор порезалась о стекло в двенадцать. Отец ударил её за то, что испортила платье кровью. В моём теле шрамов было больше.

— Куда?

Я посмотрела на свои ноги. Колени острые, кости тонкие, остеопороз был обеспечен к тридцати годам, если питание такое же скудное, как в воспоминаниях.

— Куда угодно, — Милли сжала подол передника, пальцы побелели. — Лорд Кристиан не женится на вас по любви. Он женится, чтобы забрать ваш дар.

— Какой ещё дар?

Я попыталась встать. Колени дрожали — вестибулярка не синхронизировалась с новым ростом. Мои сто семьдесят пять превратились во что-то около ста шестидесяти. Мир сместился вниз, и это дезориентировало хуже любого сотрясения.

— Регенерация, — прошептала Милли, и в её глазах стоял настоящий ужас. — Ваш дар исцеления. В первую брачную ночь он… они говорят, что…

Девчонка подошла ближе. Оглянулась на дверь. Шёпотом, почти не разжимая губ:

— Госпожа Аннабель здесь. У Аннабель на плече метка с

его именем. Истинная пара, госпожа. Они хотят только ваш дар, а потом…

Аннабель. Имя отозвалось в грудной клетке глухим ударом. Лучшая подруга Элинор. Светлые кудри, ангельское лицо, сладкий голос.

Я почувствовала, как желудок скрутило.

— Они хотят отобрать ваш дар, — шептала служанка. Глаза у неё были на мокром месте. — Я слышала, как они говорили. В первую брачную ночь. Он заберёт вашу силу, госпожа. И вы умрёте.

Я посмотрела на неё. Ей самой было страшно до дрожи в коленях.

Я закрыла глаза. Итак: я оказалась в теле восемнадцатилетней аристократки с даром, который должен меня убить, если я не найду выход. Жених — дракон, который хочет моей смерти. Истинная пара жениха — моя лучшая подруга, которая поможет ему это сделать. В прошлой жизни меня сбил грузовик. В этой жизни меня хотят убить после свадьбы. Прогресс.

Дыхание. Вдох. Выдох.

— Помоги мне одеться, — сказала я.

Милли кивнула. Пальцы у неё тряслись, когда она расшнуровывала рубашку.

Платье оказалось тяжёлым, зелёным, с корсетом, который Милли затянула так, что рёбра сжались. Я сунула пальцы между корсетом и грудной клеткой, ослабила на два санти-

метра.

— Госпожа, так нельзя, — Милли смотрела с ужасом.

— Если я не смогу дышать, умру ещё быстрее.

Милли затихла.

Волосы она мне заплела в косу.

В зеркале стояла девушка, которую я не знала. Бледная, тонкая, с длинными светлыми волосами. Лицо с резкими скулами и тонкими губами. Глаза серые, огромные на этом маленьком лице. Элинор Винсент.

Я подняла руку, и отражение повторило движение. Пальцы тонкие, запястье можно было обхватить большим и указательным пальцами другой руки — и ещё оставался запас. Рост где-то метр шестьдесят, веса килограммов сорок пять.

В прошлой жизни я таскала пациентов на носилках, могла в одиночку перевернуть тучного мужчину. Сейчас я с трудом подняла глиняный кувшин с водой.

В моей прошлой жизни я не любила своё тело. Слишком широкие плечи, слишком большие руки, шрамы, синяки, вечная усталость. Но оно работало.

— Госпожа, — Милли мяла передник. — Он ждёт в малой гостиной. Сказал, что хочет поговорить с вами до ужина.

Я кивнула.

Мы вышли в коридор. Пол был холодным, даже через подошву туфель. Стены каменные, на них висели выцветшие гобелены.

Милли стояла у лестницы, сжимая перила.

— Госпожа, — прошептала она. — Будьте осторожны.

Я тихо засмеялась.

— Милли, — сказала я. — У тебя есть нож?

Она побледнела.

— На кухне, госпожа, но…

— Принеси. И положи под подушку в моей комнате.

Она кивнула и убежала.

Я спустилась дальше.

Дверь в малую гостиную была приоткрыта.

За ней — свет и тихий женский смех.

Пальцы похолодели. Это был не мой страх. Это тело Элинор боялось.

Я сжала кулак, впиваясь ногтями в ладонь. Боль вернула контроль.

Ты мертва, Элинор. Мы еще выясним, почему. Но теперь здесь я. А я не боюсь драконов.

Я толкнула дверь.

Глава 2. Холодный принц и горячая сделка со смертельным исходом

Я толкнула дверь малой гостиной и вошла. Свет от камина падал на полированный стол. Кристиан сидел в кресле с высокой спинкой, нога закинута на ногу, и вертел в пальцах бокал. Высокий, темные волосы до плеч, скулы как лезвия. Чёрный сюртук сидел на нём как влитой — дорогая ткань,

серебряные пуговицы. До зубного скрежета красивый.

Рядом с ним Аннабель устроилась на диванчике. Светлые кудри распущены по плечам, платье небесно-голубое, кружево на вороте. Личико кукольное, глаза огромные, васильковые. Увидела меня, и улыбнулась такой теплой, такой искренней улыбкой, что я почти поверила.

— Элинор, наконец-то. Мы уже заждались. — Кристиан поднялся, подошёл ближе и взял мою руку. Его ладонь была сухой и тёплой, но хватка чуть сильнее, чем требовалось для приветствия.

— Элинор, дорогая, — пропела Аннабель. — Рада тебя видеть. Ты выглядишь бледной. Волнуешься перед завтрашним днем?

Я кивнула.

— Я тоже рада тебя видеть, — сказала я, и голос прозвучал ровно, без дрожи.

— Все будет хорошо, — Аннабель сжала мои пальцы. — Лорд Кристиан очень добр.

Кристиан улыбался, но глаза оставались холодными. Аннабель наклонилась вперёд, коснулась моего плеча.

— Завтра свадьба, и ты станешь леди Блэквуд. Представляешь?

Она засмеялась, звонко и искренне, но я заметила, как она быстро переглянулась с Кристианом. Тот едва заметно кивнул. Они не нервничали. Они знали, что всё идёт по плану. Я улыбнулась в ответ, сжала её пальцы в своих.

— Да, это прекрасно. Спасибо, что приехала поддержать. Без тебя было бы совсем одиноко.

— Завтра ты станешь моей женой, — сказал Кристиан. — Надеюсь, ты понимаешь всю серьезность этого шага.

Я опустила глаза.

— Я понимаю, милорд, — тихо ответила я. — Я сделаю все, что вы пожелаете.

Аннабель одобрительно кивнула. Кристиан чуть прищурился.

— Умница, — сказал он и улыбнулся безупречной, голливудской улыбкой.

Разговор потёк легко. Кристиан рассказывал о дороге, о том, как его конь чуть не сбросил в овраге, Аннабель вставляла шутки про его «героические» падения. Я смеялась в нужных местах, задавала вопросы про погоду и лошадей, но внутри отмечала каждую мелочь: как Кристиан слишком часто переглядывается с девушкой, как Аннабель тянется к своему плечу, когда забывается. Это метка истинной пары покалывала.

Они вели себя как люди, которые уже выиграли. Милли была права. Я не выдала себя ни словом, ни взглядом. Просто сидела и слушала.

— Я оставлю тебя отдохнуть перед завтрашним днём, — сказал Кристиан на прощание и поцеловал мне руку.

Я смотрела ему вслед. Дверь закрылась с глухим стуком.

— Не обращай внимания, — Аннабель взяла меня под ру-

ку. Голос — медовый, вкрадчивый. — Он просто очень занятой человек. К тому же мужчины такие неловкие в выражении чувств.

«Чувств», — повторила я про себя.

— Тебе так повезло, — Аннабель погладила меня по руке. Я услышала в ее голосе отголосок злорадства. — Лорд Кристиан — завидный жених в королевстве. Твоя семья теперь будет жить в достатке. Твой отец...

Она не договорила, но я поняла. Отец Элинор задолжал огромную сумму Кристиану.

— Да, — сказала я. — Я очень благодарна.

— Отдыхай сегодня, — сказала Аннабель. — Завтра будет долгий день.

Поцеловала меня в щеку и вышла.

Я осталась одна в гостиной. Подошла к окну. Увидела сад — чахлые кусты, серое небо, фигуру Кристиана в черном плаще. Рядом была Аннабель. Она шла так близко, что их плечи почти касались.

Он что-то сказал с хитрой ухмылкой. Аннабель засмеялась, откинув голову.

Я поднялась и вернулась в свою комнату по тёмному коридору. Дверь закрыла плотно, задвинула засов.

Я обошла медленно комнату, провела рукой по комоду, по краю кровати. Я искала всё, что намекнет мне на причину смерти Элинор.

Под ковром у окна нашла выжженный круг на полу. В уг-

лу, за гобеленом с драконом, лежала книга в потрёпанном кожаном переплёте. Я вытащила её, раскрыла на первой попавшейся странице. Рисунки кругов, руны, слова про «призыв сущности». Это был дневник Элинор.

«Я нашла описание ритуала в библиотеке отца. Если всё сделать правильно — сущность явится и заключит со мной сделку. Мне нужна сила. Мне нужна защита от Кристиана»

Я перевернула страницу.

«Свечи готовы. Круг начерчен. Я позову её сегодня в полночь»

Дальше шли схемы. Круг с рунами, стрелки, пометки на полях. Я не понимала символов, но видела, как аккуратно выведены линии.

Последняя запись обрывалась на середине: «Что-то идет не так».

Я закрыла тетрадь.

Элинор пыталась призвать магическую сущность, чтобы спастись от Кристиана. Бежать она даже не думала. Девушка была запугана, безвольна, её отец — обедневший барон — задолжал огромную сумму красавцу-дракону Кристиану Блэквуду.

Она пыталась защитить себя, не вышло. Вместо этого явилась я.

Я не знала, как это работает, но одно понимала чётко: девчонка была в отчаянии, и её план провалился.

Я сунула тетрадь под матрас и подошла к подушке.

Нож был там. Милли сдержала слово. Лезвие узкое, длиной с ладонь, рукоять из чёрного дерева.

Я сжала его в ладони, лезвие легло удобно. Если что — буду драться до последнего. Не сдамся просто так.

Внезапно в комнате резко похолодало. Воздух наполнился запахом мороза, как будто открыли дверь в зимний лес. На стенах выступил иней, искрясь в свете свечей. Дыхание вырывалось изо рта белым облачком.

Я вскочила, выставив нож вперёд.

В воздухе заплясали искры. Белые, холодные, они сыпались с потолка, как снег.

Прямо из пустоты материализовался высокий мужчина. Белоснежные волосы падали до плеч, ледяные голубые глаза смотрели прямо на меня. Лицо идеальное, словно выточенное из мрамора, чёрный камзол с серебряной вышивкой плотно обтягивал плечи. От него веяло силой и холодом, который пробирал до костей.

Я выставила нож ещё выше и сделала шаг назад, упёршись спиной в кровать.

— Ещё шаг — и я воткну это тебе в глаз.

Он остановился, слегка наклонил голову и улыбнулся уголком рта. Улыбка вышла снисходительной, как у взрослого, который смотрит на ребёнка с деревянным мечом.

— Смело, — сказал он. Голос низкий, спокойный, с лёгкой насмешкой. — Но бесполезно. Я не человек. Твой нож мне не навредит.

— Хочешь проверить? — я чуть опустила лезвие, целясь в шею.

Он сделал шаг вперёд, рассматривая меня так, будто я — забавное насекомое. Я не отступила.

— Принц Адам Дрейвен, — представился он спокойно, голос низкий и ровный. — Не стоит так нервничать, леди Элинор. Я пришёл предложить сделку.

Я не опустила нож.

— Какую ещё сделку?

— Я расторгну твой брак с Кристианом Блэквудом. Освобожу твою семью от долгов, которые на них висят, — он сделал паузу, наблюдая за моей реакцией. — Взамен ты станешь моей женой. Я заберу твой дар.

Я облизала губы. Во рту пересохло.

— То есть я умру?

— Да, — кивнул Адам. — Но ты проживёшь этот месяц в безопасности. Твоя семья будет свободна. Лучше, чем то, что планирует Блэквуд. В первую брачную ночь он заберет твой дар. И твоя семья пойдет по миру. Твой отец умрет в долговой яме через полгода. Сестер отправят в бордель. Таков порядок вещей.

Я не сдвинулась с места.

— Не месяц. Минимум три. И ты защитишь не только мою семью, но и служанку Милли.

Он приподнял бровь. В его глазах мелькнуло удивление, но быстро сменилось привычным высокомерием.

— Женщины обычно со мной не торгуются, — сказал он, но в голосе не было злости, скорее лёгкое любопытство. — Два месяца. Ты становишься моей женой уже завтра. Дар я заберу в конце второго месяца. Служанку защищу. Это моё последнее слово.

Я смотрела на него, взвешивая каждое слово. Два месяца лучше, чем ничего.

— Хорошо. Согласна.

Адам подошёл ближе. Я почувствовала холод, исходящий от его тела, как от глыбы льда. Он протянул руку и взял меня за подбородок холодными пальцами.

— Ты умная девушка, — сказал он. — Жаль, что ты умрёшь.

Я посмотрела ему в глаза.

— Жаль, что ты не можешь предложить ничего лучше.

Он убрал руку.

— Ты становишься моей женой завтра, — сказал Адам. — На свадебной церемонии. Я вмешаюсь, предъявлю метку истинной пары. Брак будет аннулирован.

— А что скажет Кристиан?

— Ему придется подчиниться. Закон есть закон. Истинная пара имеет приоритет перед любым договором.

Я представила лицо Кристиана. Его глаза, когда он поймет, что дар уплывает из рук. Улыбнулась.

— Идет, — сказала я. — Но откуда возьмется метка истинных?

— Я использую заклинание, — произнёс Адам. — Не бойся — это будет подделка.

Он исчез так же внезапно, как появился, оставив после себя только тающий иней на стенах и холод в воздухе.

Я села на кровать и закрыла лицо руками.

В прошлой жизни меня сбил грузовик. В этой — меня хотят убить два дракона, и разница только в сроках.

Я тихо засмеялась. Звук вышел хриплым, почти истеричным.

— Ну и бардак, — сказала я в пустоту.

Нож я не выпустила из руки.

Глава 3. Свадебный балаган

Милли встретила меня в дверях зала для церемоний. Она сжимала край своего передника так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Госпожа, — прошептала она, хватая меня за руку. Пальцы холодные, трясутся. — Вы не должны. Он убьёт вас.

Я взяла её за тонкие плечи, под тканью платья чувствовались лопатки. Девчонка дрожала, как осиновый лист.

— Я выживу, — сказала я тихо. — У меня есть план. Обещаю. А теперь вытри лицо и иди к остальным служанкам. Не привлекай внимания.

Милли кивнула, вытерла щёки рукавом и скользнула в боковой проход.

Я повернулась к залу.

Помещение было огромным, с каменными сводами, уходящими в темноту под потолком. Вдоль стен горели факелы в железных держателях. Пол из черного камня. В конце зала возвышался алтарь — массивная плита чёрного мрамора, на ней серебряные руны, тускло мерцающие в свете огня.

Гостей было много. Человек пятьдесят, одетых в костюмы и пышные платья. Воздух пах воском, ладаном и потом, жара от свечей и тел создавала духоту, от которой кружилась голова.

Отец Элинор — барон Винсент — стоял у первого ряда. Лицо красное, нос с синими прожилками, на лбу блестит пот. Он сделал шаг ко мне и прошипел, почти не разжимая губ:

— Ничего не испорти. Ты поняла меня? Ничего.

Я кивнула, опустив глаза. Он схватил меня за локоть, пальцы впились в кожу через кружево рукава, и повёл к алтарю.

Младшие сёстры — две девочки лет двенадцати и пятнадцати — сидели на скамье с каменными лицами. Старшая, Розали, сжала губы так, что они побелели. Младшая, Фелисити, смотрела в пол, теребя край платья.

С правой стороны стояли родственники Кристиана. Высокий рост, надменные лица, дорогие ткани, драгоценности на пальцах. Среди них я заметила пожилую женщину в чёрном кружевном платке — кажется, мать Кристиана. Рядом двое мужчин, братья или кузены, одинаково гладко выбритые и

одинаково скучающие.

У алтаря стоял священник в белой мантии. В руках у него была толстая книга в кожаном переплёте.

Рядом с ним стоял Кристиан Блэквуд. Чёрный сюртук, белая рубашка, серебряная цепочка на жилете. Волосы зачёсаны назад, на губах лёгкая улыбка.

Аннабель стояла слева от алтаря, в розовом платье, с букетом белых роз в руках. Её кудри спадали на плечи мягкими волнами, глаза сияли. Она смотрела на Кристиана с таким выражением, будто уже видела себя на моём месте.

Когда я обернулась, она подарила мне тёплую улыбку и шепнула:

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая. Всё будет замечательно.

Я улыбнулась в ответ.

Мы с бароном дошли до Кристиана под заунывную музыку, и я встала рядом.

Священник поднял руки, и гул голосов стих.

— Мы собрались здесь, — начал он дребезжащим голосом, — чтобы засвидетельствовать союз между Элинор Винсент и Кристианом Блэквудом...

Кристиан взял меня за руку.

Священник бубнил про долг и честь, про кровь драконов и древние роды. Я кивала в нужных местах. Отец за спиной кашлянул, напоминая о себе. Сёстры шушукались.

— ...если есть среди присутствующих те, кто знает причи-

ну, по которой этот брак не может состояться, — священник поднял голову, оглядел зал, — пусть скажет сейчас или навсегда замолчит.

Тишина.

И вдруг в зале резко похолодало.

Я почувствовала это всем телом, как будто кто-то распахнул дверь в зимний лес. Воздух стал колючим, дыхание вырвалось изо рта белым облачком.

Факелы дёрнулись, пламя заметалось.

Гости зашептались. Кто-то ахнул.

В центре зала, между скамьями, начали танцевать искры. Белые, холодные, они сыпались с потолка и гасли, не долетая до пола. А потом воздух сгустился, и из ниоткуда шагнул Адам Дрейвен.

Высокий, беловолосый, в чёрном камзоле с серебряной вышивкой. Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел на священника с лёгкой усмешкой.

— У меня есть причина, — заявил он.

Кристиан побледнел. Его челюсть сжалась, желваки заходили под кожей.

— Принц Дрейвен, — процедил он.

Адам поднял левую руку и закатал рукав.

— Элинор Винсент — моя истинная пара.

Он произнес заклинание.

Я не понимала слова, но чувствовала, как воздух вокруг моего левого запястья нагревается. Кожа зачесалась, потом

защипало, будто тысячи игл впивались в вену.

Я посмотрела на свою руку.

На запястье проступали буквы. Одна за другой, серебряные, горячие. Имя — Адам Дрейвен.

На запястье Адама тоже появилась метка. Тонкая серебряная вязь, переливающаяся в свете свечей. Элинор Винсент.

Зал ахнул.

Гости заговорили все разом. Кто-то вскрикнул, кто-то засмеялся. Родственники Кристиана переглядывались.

Кристиан сделал шаг к принцу. Лицо перекошено, глаза горят.

— Это подделка, — прорычал он. — Невозможно. Она моя невеста. Она уже слишком стара, чтобы у нее появилась метка!

— Иногда такое случается, — непринужденно сказал Адам. — Теперь она моя невеста. Закон есть закон. Истинная пара имеет приоритет.

Аннабель стояла с открытым ртом. Её идеальное лицо пошло красными пятнами.

Я выдернула свою руку из пальцев Кристиана. Помассировала запястье, где остались красные следы. Подняла глаза на жениха. Вложила в голос всю фальшивую заботу, на которую была способна.

— Как чудесно всё складывается, милорд, — я посмотрела на Кристиана расширенными глазами, прижала руки к

груди.— Теперь вы с Аннабель сможете наконец пожениться. Я так рада за вас обоих. Вы ведь истинная пара… я видела метку на вашем плече.

Я произнесла это достаточно громко. Гости услышали.

Аннабель побледнела. Кукольные черты застыли, только глаза метались от меня к Кристиану, от Кристиана к гостям.

— Что ты несёшь?! — Кристиан шагнул ко мне. Лицо его перекосилось.— Ты сошла с ума?

— Милорд, — я сделала шаг назад, ближе к Адаму. — Я просто рада, что вы обрели своё счастье. Аннабель так много для вас значила. Мне было так грустно скрывать ваш роман.

Аннабель посмотрела на Кристиана, и в её глазах стояла такая надежда, что мне стало почти жаль её.

— Это всё ложь! Между нами ничего нет!

— Довольно.

Отец Кристиана поднялся с места. Он был огромным, с широкими плечами и седой бородой, заплетённой в косу. Глаза горели жёлтым.

— Кристиан, — голос низкий, как камнепад. — Покажи плечо.

— Отец, это бред...

— Покажи плечо.

Лицо Кристиана дёрнулось, желваки заходили ходуном. Он медленно, будто надеялся, что кто-то ему поможет, расстегнул пуговицы на вороте рубашки. Оттянул ткань, открывая левое плечо.

Чистая кожа. Ни метки, ни шрама, ничего.

Я почувствовала, как внутри похолодело, но старый лорд Блэквуд уже поднял руку.

— Заклинание проявления, — прорычал он, и его ладонь вспыхнула золотым светом.

Свет ударил в плечо Кристиана. Кожа нагрелась, пошла рябью, и через секунду там, где было пусто, проступила метка. Такая же серебряная вязь, как у меня и у Адама. Она горела ярко, пульсировала, и в центре узора я успела прочитать имя.

Аннабель Кроуфорд.

Кристиан замер. Его лицо стало белым, как бумага.

Аннабель вскрикнула. Её плечо засветилось через кружево платья.

Они стояли в трёх метрах друг от друга, и метки горели в унисон.

Тишина в зале стала плотной, как вода на глубине.

— Истинная пара, — сказал лорд Блэквуд-старший.

Зал загудел.

— Невозможно, — закричала женщина с острым лицом, напоминающем птицу. — Блэквуды не роднятся с Кроуфордами!

— Это катастрофа! — подхватил мужчина с бакенбардами.

Семьи Блэквуд и Кроуфорд были известными политическими враги. Торговые войны, старые долги, земельные спо-

ры. Их брак был невозможен.

Кристиан стоял как громом поражённый. Он смотрел на своё плечо, потом на Аннабель, потом на отца. Губы его шевелились, но звука я не слышала.

Аннабель плакала. Слёзы текли по её щекам, размазывая румяна.

— Я не знал, — сказал Кристиан. Голос его прозвучал глухо. — Я не…

— Простите меня, — зарыдала я, обращаясь к гостям, и слёзы катились по щекам, оставляя мокрые дорожки на пудре. — Я знала, я прикрывала их роман. Я думала, это любовь. А теперь... — я всхлипнула, зажимая рот ладонью, — теперь вы можете пожениться. Это же чудесно. Ведь после всего, что было между вами по ночам, пока я спала в соседней комнате... — я запнулась, сделала испуганные глаза, будто сказала лишнее. — Кто же теперь возьмёт замуж девушку, которая уже давно не носит белую ленту на запястье? Только тот, кто сам её и снял. Я так за вас рада, правда.

Аннабель дёрнулась. Её лицо, ещё секунду назад белое как мел, пошло красными пятнами. Она открыла рот, закрыла. Потом медленно, очень медленно перевела взгляд на Кристиана. Губы у неё тряслись.

Кристиан отдёрнул руку от своего плеча, где только что проступила метка. Он смотрел на меня так, будто хотел вырвать язык.

Но заговорить не успел — мать Кристиана поднялась с

места, и её голос разрезал гул:

— Леди Кроуфорд, это правда? Вы уже...

Она не договорила. Взгляды всех пятидесяти гостей впились в Аннабель, оценивая, ощупывая, раздевая. Кто-то из мужчин хмыкнул.

Аннабель втянула воздух, будто ныряла в ледяную воду. Она посмотрела на меня, и в её глазах впервые за всё время появилась настоящая ненависть.

— Ты заплатишь, — сказала она тихо, одними губами.

Я всхлипнула громче и уткнулась лицом в ладони.

Кристиан рванул ко мне. Лицо перекошено, в глазах красные вспышки. Но Адам оказался быстрее. Он шагнул между нами, и холод ударил от него такой волной, что Кристиан отшатнулся.

— Всё ясно, — голос лорда Блэквуда-старшего прозвучал как приговор. Он смотрел на сына с такой холодной яростью, что я почти пожалела бывшего жениха. — Закон истинных пар выше любого контракта. Ты женишься на Аннабель Кроуфорд.

— Нет, — Кристиан отступил на шаг. — Отец, нет. Это разорит нас.

— Ты должен был подумать об этом раньше, — лорд Блэквуд повернулся к священнику. — Обряд продолжается с другими новобрачными.

Я выдохнула.

Аннабель рухнула на скамью. Она закрыла лицо руками,

плечи тряслись. Кристиан даже не посмотрел в её сторону. Он смотрел на меня.

— Ты за это ответишь, — сказал он тихо.

— Посмотрим, — ответила я.

Адам взял меня за руку. Его пальцы были холодными, но не враждебными

— Начинайте церемонию.

Священник замялся, но кивнул.

Церемония заняла семь минут. Священник читал сокращённую версию, проглатывая окончания, путая слова. Гости были определенно в восторге от такого количества событий.

Кристиан стоял у окна, вцепившись в каменный подоконник. Аннабель сидела на скамье, обхватив себя руками. Её тихое рыдание разносилось под сводами, как эхо.

Я смотрела на Адама. Когда священник сказал «Теперь вы муж и жена», Адам кивнул и отпустил мою руку.

— Поздравляю, принцесса, — сказал он.

Я кивнула.

В зале было шумно. Гости расходились, перешёптываясь, бросая косые взгляды. Кристиан уже ушёл. Аннабель поднялась со скамьи, шатаясь. К ней подбежала служанка, подхватила под локоть.

Адам повернулся ко мне:

— Идём, — сказал он и положил ладонь мне на поясницу.

Я не успела пикнуть — воздух вокруг схлопнулся. Резкий холод ударил в лицо, перед глазами всё пошло белыми ис-

крами, как в моей комнате прошлой ночью.

Пол ушёл из-под ног. Меня повело в сторону, я вцепилась в рукав камзола Адама, и в тот же миг мои туфли стукнули по другому полу.

Я моргнула. Искры погасли.

Мы стояли в огромной спальне. Под потолком висела хрустальная люстра с сотнями свечей, стены обиты тёмно-зелёным бархатом, на полу — ковёр, такой толстый, что туфли утонули по щиколотку. В углу трещал камин.

Я перевела дух.

— Ты устроила балаган, — сказал Адам. Голос ровный, но я услышала под ним холодную ярость.

— Я хотела отомстить Кристиану и Аннабель хотя бы так, — я подошла к камину, протянула руки к огню. Пальцы мёрзли от его присутствия.

— Теперь все думают, что я вмешался в чужой брак ради женщины, которая покрывала любовников, — сказал он, не оборачиваясь. — Моя репутация...

— Твоя репутация, — перебила я, — переживёт. Ты принц, в конце концов.

Адам молчал. Его профиль вырисовывался на фоне тёмного стекла — острые скулы, прямой нос, поджатые губы.

— Блэквуды не простят тебе этого, — сказал он наконец.

Адам прошёлся по комнате. Шаги его были бесшумные, как у кошки. Остановился у кровати, посмотрел на меня. В его взгляде не было ни капли интереса.

— Не беспокойся о брачной ночи, — сказал он. — Я не прикоснусь к тебе. Твой дар мне нужен только через два месяца, а до этого ты можешь спать спокойно.

Я почувствовала укол какой-то глупой обиды, хотя и сама бы не согласилась на настоящую брачную ночь, даже если бы он предложил.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Я осталась одна.

Глава 4. Холодный завтрак

Я проснулась от холода.

Нога высунулась из-под одеяла, и ступня замёрзла так, будто я спала на улице. Я втянула ногу обратно, натянула пуховое одеяло до подбородка. В спальне было светло, сквозь тяжёлые портьеры пробивался серый утренний свет. Под потолком догорали свечи в хрустальной люстре, половина оплыла, воск застыл некрасивыми каплями на серебряных подвесках.

В прошлой жизни я просыпалась от будильника в шесть утра, пила растворимый кофе и бежала на смену. Пол в съёмной квартире скрипел, батареи грели через раз, а сосед сверху включал перфоратор в восемь утра каждый день, кроме воскресенья. Я злилась на этот перфоратор, на холодный пол, на вечно забитую раковину. Сейчас я отдала бы всё, чтобы снова услышать этот треск в восемь утра.

Я повернула голову. Подушка рядом оказалась холодной, на простыне не было ни вмятины от головы, ни следа тепла. Адам или не ложился, или встал несколько часов назад. Может, он вообще собирался ночевать в другой комнате. В конце концов, какое дело принцу до слухов.

Я встала и пошла к зеркалу в тяжёлой дубовой раме.

Отражение не радовало – бледная до синевы, тонкие черты лица, огромные серые глаза. Светлые волосы спутались в колтуны, торчали в разные стороны. Кожа на скулах была почти прозрачной, под ней проступали голубоватые прожилки вен. Шея тонкая, ключицы выпирали.

Тело Элинор было слабым, я чувствовала это каждой мышцей. И через два месяца оно стало бы трупом, если бы я ничего не придумала.

Я оделась сама, не стала звать служанку. В шкафу нашла несколько платьев. Выбрала тёмно-синее, шерстяное, без лишних кружев. Волосы собрала в пучок на затылке, заколола шпильками из деревянной шкатулки.

В дверь постучали коротко, два удара.

— Войдите.

Служанка, высокая, с острым носом и белобрысыми косичками, просунула голову:

— Принц ждёт вас к завтраку, госпожа. В малой столовой.

Она поклонилась и исчезла, не дождавшись ответа.

Я вышла из комнаты.

На лестнице кто-то сидел на ступеньках.

Маленькая фигура в сером платье, руки обхватили колени, лоб уткнулся в колени. Светлые волосы выбились из-под чепца.

— Милли?

Она подняла голову.

— Госпожа, — прошептала она. Вскочила, прижала кулаки к груди. — Госпожа, вы живы. Я так боялась. Я думала, они... Я думала, он вас убьёт сразу, как Кристиан. А потом меня привезли сюда, и я вас искала, искала...

Она не договорила, просто сжала мою руку.

— Я жива, — сказала я. — Как видишь.

Я не знала, что делать. В прошлой жизни меня никто не встречал со слезами.

Воспоминания Элинор подкинули картинку. Пять лет назад отец привез Милли, сказал: «Будет работать за еду».

С тех пор они были вместе. Милли помогала Элинор и её сестрам прятаться от пьяного отца. Элинор защищала Милли от служанок, которые издевались над ней. Они вместе шептались по ночам, вместе боялись Кристиана, вместе придумывали планы побега — глупые, детские, невыполнимые.

Элинор никогда не называла Милли подругой. Служанка не могла быть подругой для аристократки. Но в дневнике Элинор было написано: «Если я мертва, и кто-то нашел этот дневник — пусть Милли получит мои серебряные серьги. И пусть кто-нибудь скажет ей, что я была благодарна».

Коридоры поместья Дрейвенов оказались шире, чем в по-

местье Блэквудов. Стены из серого камня, пол из тёсаных плит, на каждой третьей стене — факел в железном кольце. Пахло сыростью, старой штукатуркой и можжевельником.

Слуга в тёмной ливрее попался на лестнице.

— Где завтракает принц?

— В малой столовой, ваше высочество, — голос ровный, лицо каменное. — Третий поворот направо, затем вниз по лестнице.

Я побрела по указанному маршруту. Два раза ошиблась, зашла в пустые залы с голыми стенами и зашторенными окнами. Наконец, нашла малую столовую.

Адам уже сидел за столом.

Он занимал дальний конец длинного стола из тёмного дерева, отполированного до зеркального блеска. Белая скатерть, фарфор с синей каймой, серебряные приборы. В центре стояла ваза с цветами.

Белые волосы собраны в низкий хвост, перевязанный чёрной лентой. Камзол чёрный, с серебряными пуговицами, воротник стоячий. Перед ним стояла тарелка с остывшим мясом, нетронутая вилка лежала рядом. Ледяные глаза смотрели куда-то сквозь стену, пальцы были сцеплены в замок на столе.

Слуга отодвинул передо мной тяжёлый стул с хрипом по каменному полу, и я села напротив принца.

Адам перевёл на меня холодный взгляд.

Слуга в чёрном фартуке поставил передо мной тарелку с

омлетом, каким-то мясом.

Адам жевал молча. Я не спешила начинать разговор.

Он прожевал, вытер губы салфеткой, откинулся на спинку стула.

— Долги барона Винсента полностью аннулированы.

Я замерла с ножом в руке.

— Кристиан больше не имеет претензий к твоему отцу.

— Как именно аннулированы долги? — я положила ломтик сыра на хлеб. — Ты выкупил расписки? Перевёл деньги Кристиану? Что вообще значит «аннулированы»?

Адам откинулся на спинку стула. Древесина скрипнула под его весом.

— Твоя семья теперь под моей защитой, — сказал он. — Этого достаточно. Женщины не должны лезть в финансовые дела.

Я сделала вдох, досчитала до трёх.

— Понятно. Что насчет Милли?

— Милли выкуплена из дома Винсент, — Адам взял чашу с отваром, отпил. — Теперь она официально назначена твоей личной служанкой.

Я выдохнула. Он сдержал слово по обоим пунктам.

— Спасибо, Ваша Светлость.

Адам коротко кивнул, будто отметил выполненную задачу, вернулся к созерцанию стены.

Я отпила молока, собираясь с мыслями.

— Что будет с моими сёстрами?

Он поднял бровь.

— Твои сёстры остались в поместье отца. Это не моя забота.

Я поставила кружку, обхватила её пальцами.

— Им нужна защита. Отец через полгода снова наберёт долгов, он слабый человек.

Адам слушал, не перебивая. Только пальцы постукивали по серебряной рукояти ножа.

— Чего ты хочешь?

— Я прошу помочь. Выдать небольшое содержание. Или устроить в хорошие семьи.

— Нет.

Я вцепилась пальцами в край стола.

— Но...

— Твой отец — барон. Пусть сам разбирается со своими детьми.

— Он не справится.

— Это не моя проблема, — Адам отодвинул тарелку и встал. — Через два месяца тебя уже не будет. Зачем тратить ресурсы попусту?

Слова ударили под дых. Я почувствовала, как лицо потеплело — кровь прилила к щекам.

— Ты можешь хотя бы...

— Я уже сделал больше, чем обещал, — Адам посмотрел на меня сверху вниз. — Долги аннулированы. Служанка спасена. Остальное — не моя забота. Твоё дело ждать, когда

придёт время отдать дар. Всё остальное тебя не касается.

Он встал и вышел, не оглядываясь.

Я осталась сидеть, сжимая вилку. Пальцы онемели.

Долги были аннулированы. Милли спасена. Адам сдержал слово.

Но сёстры…

Розали было шестнадцать, она умная, с острым языком. Фелисити — четырнадцать, тихая, любит читать. Воспоминания Элинор жгли изнутри, как будто они были моими.

Я не хотела быть их сестрой. Я была врачом из другого мира, у меня не было ни сестёр, ни братьев, ни даже близких родственников, кроме отца, который звонил раз в год.

Но эти воспоминания не спрашивали разрешения. Они были вшиты в меня так же глубоко, как умение дышать или чувствовать боль.

Розали и Фелисити — не просто две девочки, которых отец продаст за долги. Они были близкими Элинор. И я не могла смотреть на их судьбу чужими глазами.

Потому что, когда Розали шептала «не уезжай», цепляясь за подол платья Элинор, это я чувствовала её пальцы на своей юбке. Фелисити дарила Элинор на день рождения засушенный цветок, и я помнила, что этот цветок до сих пор хранится в дневнике.

Я не просила об этой связи. Но она была.

И я не могла её разорвать.

Адам сказал «зачем тратить ресурсы». Для него они были

чужими девчонками. Для меня они были сёстрами.

Через полгода, максимум через год, отец наберёт новые долги. Сядет за стол, поставит на кон последние монеты и проиграет. Розали и Фелисити останутся без приданого. Их выдадут за кого попало — или продадут, как пытались продать Элинор.

А я буду мертва. И никто не заступится.

Глава 5. Расходный материал

На следующий день я пошла искать библиотеку и нашла её после двадцати минут блуждания по коридорам. Дверь тяжёлая, дубовая, поддалась с первого толчка. Внутри пахло пылью, старой кожей и воском. Стеллажи уходили вверх на три яруса, между ними стояли лестницы на колёсиках.

Адам неохотно дал мне доступ сюда после ссоры. Я вчера чуть не сорвала голос, доказывая, что не собираюсь сидеть в спальне два месяца и пялиться в потолок. Он посмотрел на меня так, будто я заговорила на неизвестном языке, потом пожал плечами и сказал: «Ходи, если хочешь. Только любовных романов там всё равно нет».

Я пошла вдоль стеллажей, провела пальцами по корешкам. Кожаные, тканевые, некоторые без переплёта — просто сшитые листы. Милли шла за мной, с любопытством оглядываясь.

Воспоминания накатили не картинками, а кусками, как

будто кто-то переключил каналы в моей голове.

Вот Элинор, пятилетняя, сидит на коленях у матери. Мать умирает, отец пьяный кричит, что лекарь дорого стоит.

Вот Элинор шестнадцать. Кристиан впервые приезжает в поместье, улыбается, отец кланяется. Вот ей восемнадцать — она сидит в своей комнате, свечи оплывают, на полу начерчен круг. Книга с ритуалами раскрыта на странице «Призыв сущности». Что-то пошло не так, круг вспыхнул алым, воздух стал плотным. Она потеряла сознание.

Я открыла глаза и потёрла виски. Хватит. Надо попробовать освоиться с тем, что у меня есть.

— Милли, мои вещи скоро привезут? — спросила я, оглядывая пустые полки.

— Лорд Дрейвен приказал еще вчера. К вечеру будут, — Милли сложила руки на животе.

Я кивнула. Хорошо, что Адам хотя бы не бросил мои вещи у Кристиана. Впрочем, что ему стоило — отдал приказ слугам, и всё.

В стране было неспокойно. Я выудила это из обрывков разговоров, воспоминаний. Северные провинции уже три года воевали с соседями — какая-то затяжная пограничная распря из-за торговых путей. Король Дрейвен собирал войска, отправлял гонцов, повышал налоги. Принц Адам, как я поняла, не лез в политику — он вообще жил отдельно от королевской семьи.

Милли рассказала об этом утром, пока заплетала мне ко-

су. Королевский замок стоял на высокой скале в столице, милях в двадцати отсюда. Адам предпочитал поместье на окраине — тишина, одиночество, никаких придворных интриг. Он был вторым сыном, не наследником. Старший брат, Эдвард, готовился к коронации, разбирался с войной и налогами. Адам же командовал северным гарнизоном, но, судя по тому, что он торчал в поместье, командование было чистой формальностью.

Я подозвала Милли.

— Дай руку, — сказала я.

Милли послушно протянула ладонь. На тыльной стороне, у основания указательного пальца, я заметила старую царапину — длиной сантиметра два, уже подсохшую, с неровными краями. Похоже, она зацепилась за что-то несколько дней назад.

Я положила левую ладонь поверх её руки, сосредоточилась на огоньке под рёбрами. Я потянулась к нему. Он отозвался лениво, неохотно, потёк по моей руке, перелился в пальцы, а с них — на царапину.

Кожа начала стягиваться. Медленно. Края ранки сомкнулись через пятнадцать секунд. Ещё через тридцать секунд царапина превратилась в тонкую розовую ниточку.

Я выдохнула. В глазах потемнело на секунду, руки стали ватными. Магия у меня была, но мизерная.

Я едва залечила крошечную царапину на чужом теле и выдохлась почти полностью.

Через два месяца Адам заберёт этот жалкий огонёк. И я умру.

Я сжала кулак.

Следующие два часа я читала медицинские свитки.

Результат поверг меня в уныние. Медицина здесь оказалась придатком к магии. Лекари полагались на заклинания, зелья и молитвы. Хирургии не было — зачем резать, если можно приложить руки и вылечить? Анатомию не изучали — вскрытия были запрещены.

Я читала описание лечения перелома: «Маг накладывает руки на повреждённую конечность и направляет поток живительной энергии. Кость срастается за три-пять дней». Ни слова о репозиции отломков, ни слова о шинах.

Наличие магии в этом мире убило всякую мотивацию развивать обычную науку.

Я закрыла свиток и откинулась на спинку дивана.

Если бы я смогла доказать Адаму, что я полезна, может, он передумал бы меня убивать?

***

Адам вернулся после заката.

Я ждала его в малой гостиной — комнате с камином, двумя креслами и низким столиком. За пару дней я заметила, что он любит сидеть в этой комнате, пить чай.

Адам скинул плащ на спинку кресла, прошёл к камину, встал спиной к огню.

Я внимательно осмотрела мужчину, насколько позволял

мой ракурс. Под глазами его залегли тени, не просто усталость, а синева, как у человека с сердечной недостаточностью. Губы бледные, с едва заметной синюшностью по краям. На кончиках пальцев — ледяной налёт, как иней на стекле в морозный день.

Адам был нездоров.

— Ты выглядишь уставшим, — сказала я осторожно, откладывая свиток.

Адам покосился на меня так, будто только заметил.

— Я в порядке.

— Ты не в порядке. Я заметила тени под глазами и синюшность губ. У тебя проблемы с кровообращением или с лёгкими. Если расскажешь симптомы — я, возможно, смогу помочь.

Адам замер.

Потом температура в комнате упала. Я почувствовала, как воздух стал колючим, как от открытой морозилки. Моё дыхание вырвалось белым облачком.

— Ты — обычная девчонка с крошечным даром, — сказал он тихо. — Не смей лезть в мои дела.

— Я не лезу в твои дела, — я сделала шаг. — Я предлагаю помощь. Если расскажешь симптомы, я, возможно, смогу...

Он повернулся резко. Температура в комнате упала ещё ниже — воздух стал колючим, волоски на руках встали дыбом.

— Женщины созданы для того, чтобы рожать и молчать,

— произнёс он медленно, чеканя каждое слово. — Твоё дело — ждать, когда я заберу дар. Не лезь в мужские дела.

Меня накрыло. Голос поднялся сам собой.

— Ты собираешься убить меня через два месяца, — я почувствовала, как голос срывается на фальцет, но не могла остановиться. — Но даже не даёшь шанса показать, что я могу быть полезной! Ты хоть понимаешь, как это тупо? Отказаться от бесплатной помощи, потому что «женщины не лезут в мужские дела»?

Адам сжал челюсть. Желваки заходили под кожей.

В комнате стало так холодно, что у меня начали стучать зубы. На стенах выступил иней.

— Ты ничего не знаешь, — сказал он. — Ни обо мне, ни о моей болезни, ни о том, почему я делаю то, что делаю.

Он развернулся и пошёл к двери.

— Адам, — окликнула я.

Он остановился.

— Я не враг тебе, — сказала я. — Я просто не хочу умирать. И если есть хоть один процент вероятности, что я могу помочь тебе — почему ты не хочешь хотя бы попробовать?

Адам промолчал три удара сердца. Потом вышел, хлопнув дверью так, что всё задрожало.

Я осталась одна. Стояла, сжимая кулаки. Пальцы дрожали — от злости, от холода.

Долги были аннулированы. Милли спасена. Адам сдержал слово. Но отец Элинор — алкоголик и игрок — через пол-

года наберет новые. Я не смогу помочь сестрам.

Адам никогда не увидит во мне человека. Для него я была расходным материалом, мешком с даром, который нужно вскрыть через два месяца. Он не был злым — он просто не считал меня за кого-то, с кем можно говорить на равных.

Оставаться здесь было опасно. И бессмысленно.

Нужно бежать.

Глава 6. Побег

Сумку мы собирали после полуночи, когда в коридорах стихли шаги слуг.

Три серебряные монеты, медяки на дне кошелька, всего где-то на неделю дешёвой еды. Элинор не могла копить деньги, отец строго всё контролировал.

Милли сунула в сумку утащенную с кухни еду: сухари, кусок сыра в вощёной тряпице, вяленое мясо, яблоки.

Хна лежала отдельно, в бумажном кульке, перевязанном бечёвкой.

— У меня есть тётя в Брайвуде, — шептала Милли, завязывая узлы на тряпице с сухарями. — Она нас примет.

— Сколько туда идти?

— Пару дней, если по проселочным дорогам.

Я кивнула.

Драгоценности Элинор оказались жалкими: кольцо с мутным гранатом в серебряной оправе, серьги-гвоздики с мел-

кими жемчужинами, брошь в виде папоротника из чернёного серебра.

Платья мы стащили из гардеробной в северном крыле. На меня серое шерстяное, на Милли коричневое льняное. Положили ему пару платьев на смену.

Нож я положила на дно сумки, лезвием в тряпку, чтобы не порезаться. Дневник Элинор сунула рядом, может пригодиться.

Милли сидела на кровати, обхватив колени руками. В свете свечи её лицо казалось восковым.

— Госпожа, а если лорд Адам догонит?

— Сделаем так, чтобы не догнал.

Милли вздохнула, но в глазах у неё всё равно плескался страх.

Заснула я урывками, просыпаясь от каждого скрипа половиц. Мы планировали сбежать на рассвете, но у окружающего мира были свои планы.

Первый удар я приняла за гром.

За окном полыхнуло красным. Стекло задрожало от взрыва.

Я метнулась к окну, отодвинула тяжёлую портьеру. Внизу, в саду, бегали люди. Один из них взмахнул рукой, и с его пальцев сорвался огненный шар. Шар врезался в стену восточного крыла, и каменная кладка разлетелась осколками.

Звон железа покатился по лестнице.

Я натянула серое платье прямо поверх ночной рубашки.

Милли стояла посреди комнаты, трясясь.

— Одевайся, — скомандовала я, запихивая нож в голенище сапога.

— Госпожа, мы умрём...

— Мы умрём, если останемся. Живо!

Милли натянула платье дрожащими руками, зашнуровала криво лиф. Я сунула ей в руку сумку, перекинула через плечо свою.

В коридоре пахло гарью. Кто-то пробежал мимо с ведром воды. Я схватила Милли за руку и потащила к чёрной лестнице. Там был выход в сад, я запомнила ещё при первой прогулке.

С верхней ступеньки я увидела Адама.

Он стоял в холле, между двух колонн, и дрался с тремя мужчинами. Белые волосы разметались, камзол разорван на плече. Он двигался быстро, слишком быстро для человека. Лезвие мелькнуло, и один из нападающих упал с рассечённым горлом.

Но второй вскинул руку, и из его ладони вырвалась струя чёрного дыма. Дым ударил Адама в грудь, и принц пошатнулся. Я увидела, как его лицо побелело, губы сжались в нитку.

Адам отступил на шаг, взмахнул клинком, и лезвие покрылось инеем. Холод ударил от него волной — такой, что даже у меня перехватило дыхание. На полу выступил лёд. Один из мужчин поскользнулся, и Адам добил его быстрым

ударом в шею.

Третий развернулся и побежал.

— Госпожа, — Милли дёрнула меня за рукав.

Мы побежали по боковому коридору, минуя кухню. Запах дыма стал сильнее, восточное крыло горело, языки пламени лизали потолок в конце коридора.

И тут из-за угла выскочил человек.

Он появился из клубов дыма — невысокий, коренастый, в кожаном доспехе без гербов. Лицо широкое, скулы грубые, глаза маленькие и светлые, как у хорька. В правой руке он сжимал короткий меч.

Он замер на мгновение, увидев нас. Потом улыбнулся.

— А вот и пташки, — сказал он.

Акцент резанул слух. Тягучие гласные, твёрдая "р" на закате слова. Валдорец. Я узнала эту манеру растягивать окончания.

Он шагнул вперёд, и я увидела его улыбку шире. Губы разъехались, обнажив щербатые зубы. Улыбка не добралась до глаз, те остались холодными, внимательными, они шарили по моему лицу, по Милли, по нашим сумкам.

— Две девки, — он хмыкнул. — Везёт мне сегодня.

Милли вцепилась в мой рукав. Я чувствовала, как её пальцы дрожат.

Он подошёл ближе, на два шага, снова улыбнулся, и в этой улыбке было что-то, от чего у меня свело живот.

— Бросьте сумки, — сказал он нежно. — И идите со мной

тихо. Обе будете живы. Некоторое время.

Он облизнул губы. Взгляд задержался на моей груди, потом переполз на Милли, и улыбка стала шире.

— А эта помоложе будет, — протянул он. — Тоже ничего.

Он сделал ещё шаг. Его меч смотрел в пол, но рука не расслаблялась, он мог поднять клинок за долю секунды.

— Я сказал, бросьте сумки, — повторил он, и в голосе прорезалась сталь. — Не заставляйте меня...

Я шагнула вперёд.

Правая рука рванула нож из голенища. Левой я толкнула Милли в стену, прочь от его меча. Всё решили три вещи: его самоуверенность, мой рост и тот факт, что он ждал мольбы или бегства, а не атаки.

Я ушла под его правую руку, вжалась в корпус, и лезвие вошло в шею. Я знала анатомию.

Нож вошёл легко, почти без усилия.

Кровь брызнула тёплой струёй мне на руку, на лицо. Валдорец захрипел. Меч выпал из его пальцев, загремел по каменному полу. Он схватился за шею обеими руками, но кровь сочилась между пальцами, и глаза его стали круглыми, детскими, непонимающими.

Он рухнул на колени, потом на бок, дёрнулся пару раз и затих.

Кровь растекалась по каменным плитам, заползая в щели между ними.

Милли стояла, прижавшись спиной к стене, и тряслась

так, что зубы стучали. Лицо у неё было белое, губы синие.

Я вытерла нож о штанину мёртвого, сунула в голенище. Схватила Милли за запястье и потащила к двери черного входа.

Дверь оказалась не заперта. Я толкнула её плечом, и мы вывалились в ночной сад.

Холод ударил в лицо. Слева, за деревьями, полыхало крыло поместья. Крики, звон мечей, редкие вспышки магии — красные, зелёные, белые.

Я огляделась. Конюшня стояла в сорока метрах, крыша цела, ворота распахнуты. Внутри горел фонарь.

— Бежим, — прошептала я.

Мы пересекли сад, пригибаясь к земле. Милли споткнулась о корень, я подхватила её под локоть. У конюшни валялось тело — один из конюхов, с перерезанным горлом. Я отвела взгляд. Сколько бы трупов я не видела за свою карьеру врача, горечь от их вида никогда не исчезала.

Внутри пахло сеном, навозом и кровью. Две лошади в дальних стойлах били копытами, ржали. Остальные, видимо, разбежались или были уведены.

Я схватила уздечку с гвоздя, сунула её в руки Милли.

— Седлай вороную. Вон ту.

— Я не умею...

— Смотри.

Я показала на серой кобыле — накинула попону, седло, затянула подпругу. Элинор училась этому от старого коню-

ха в детстве. Милли повторяла, пальцы её тряслись, но она справилась. Вороной жеребец фыркал, косился на пламя за окном.

Из кармана я вытащила кусок сухаря, сунула обеим лошадям под нос.

Мы вывели их через задние ворота конюшни, туда, где сад переходил в поле. Калитка в каменной ограде была открыта, кто-то сломал запор.

Я вскочила в седло. Милли повозилась, но забралась на своего жеребца, вцепившись в гриву.

Сзади грохнуло — рухнула крыша восточного крыла. Столб искр взлетел к небу, освещая округу оранжевым.

— Госпожа, — Милли всхлипнула, — а если они нас увидят?

— Не увидят, — я дёрнула поводья, разворачивая кобылу к лесу.

Мы поехали рысью, потом галопом, когда поле осталось позади. Я не оглядывалась, но слышала треск пламени, звон металла, чьи-то крики.

Лес принял нас тишиной. Кроны сомкнулись над головой, скрывая зарево. Под копытами хлюпала прошлогодняя листва, ветки хлестали по лицу.

Милли ехала сзади, тяжело дыша.

Я сжала поводья крепче.

За спиной всё ещё гудело поместье Дрейвенов. Я подумала об Адаме — холодном, высокомерном, больном. Спра-

вится ли он? Да какая разница. Он собирался меня убить.

Я тряхнула головой, отгоняя мысли.

Лошади шли по лесной тропе, фыркали и прядали ушами. Где-то ухал филин.

Мы сбежали.

Глава 7. Дорога в никуда

Лес кончился через час. Мы выехали на проселочную дорогу, и лошади сами сбавили шаг до утомительной рыси. Справа тянулось поле, заросшее бурьяном, слева — чахлые кусты, а над всем этим нависало серое небо, обещающее дождь к вечеру.

Милли ехала сзади, вцепившись в поводья обеими руками. Её жеребец, длинномордая вороная кобыла с кривыми передними ногами, то и дело норовил ущипнуть мою лошадь за круп.

— Расслабь руки, — сказала я через плечо. — Ты тянешь поводья на себя, он думает, что нужно остановиться.

Я покрутила головой, разминая затекшую шею. Спина горела после двух часов в седле. В прошлой жизни я могла простоять за операционным столом восемь часов подряд, а сейчас мои мышцы ныли от такой короткой верховой езды. Тело Элинор было слабым, и эта слабость раздражала хуже любой боли.

— Нам нужно свернуть на северо-восток, — сказала Мил-

ли, когда мы проехали очередной перекресток, где ржавый указатель с покосившейся стрелкой обещал столицу в двадцати милях. — К Скальному Клину.

— Твоя тетя там живет?

Милли кивнула. Косынка сползла ей на глаза, она поправила её дрожащими пальцами.

Где-то слева ухнула сова. Милли вздрогнула и чуть не вывалилась из седла.

— Тише, — сказала я. — Это просто птица.

— Я знаю, — она шмыгнула носом. — Я просто... госпожа, вы его убили.

— Да.

— Вы его убили ножом.

— Да, Милли. Я его убила.

Она замолчала на несколько минут.

— Откуда вы умеете? — спросила она тихо. — Вы же раньше в обморок от вида крови падали.

Я вздохнула.

— Я не Элинор, — сказала я.

Милли не ответила. Она просто ехала дальше, глядя на гриву своего жеребца.

— Я думала, это просто страх сделал вас храброй. Вы бы раньше не осмелились бежать... Но когда вы достали нож...

— Элинор мертва, — сказала я. — Я не знаю, как это объяснить. Она пыталась провести ритуал, призвать сущность, которая помогла бы ей стать сильнее. Что-то пошло не так.

Вместо сущности пришла я.

— Кто вы?

— Меня зовут Алина. В моём мире я была врачом. Лечила людей. Потом я умерла, и я очнулась в теле Элинор.

— То есть, — сказала она медленно, — госпожа Элинор...

— Она мертва.

Милли закрыла рот. Потом открыла снова.

— А вы... вы лечили людей? В своем мире?

— Да.

Милли передернула плечами.

— И вы умеете убивать людей ножом?

Я помолчала. Вспомнила первую смерть, которую увидела — пациент с оторванной ногой, я ещё была интерном. Кровь хлестала фонтаном, я накладывала жгут, а он улыбался и говорил: «Сестричка, не бойтесь». Потом были другие.

— В моём мире врачи видят много смертей, — сказала я. — Я не училась убивать. Но когда человек хочет убить тебя, у тебя есть две секунды, чтобы решить, кто из вас двоих пойдёт в могилу.

Милли долго молчала.

— Я верю вам, — сказала Милли наконец. — Вы не похожи на сумасшедшую. И сумасшедшие обычно не заботятся о чужих служанках.

— Ты мне не чужая, — сказала я. — Элинор тебя любила.

Милли всхлипнула.

— Она хорошая была, — прошептала Милли. — Добрая.

Мы поехали дальше. Я рассказывала про больницу, про операционные, про аппараты, которые помогают человеку дышать. Милли слушала, открыв рот, и иногда переспрашивала.

Через пару часов мы остановились отдохнуть. Лошадей привязали к сосне, бросили им охапку травы. Я достала из сумки сухари, разделила пополам, протянула половину Милли

Я сидела на корнях, прислонившись спиной к стволу. Пахло мокрой корой, прелыми листьями и лошадиным потом.

— Моя тётя, — сказала Милли вдруг. — Она живёт в посёлке Скальный Клин. Это на северо-востоке, у самой границы с Валдором. У неё свой дом, большой, с садом.

— Чем она занимается?

— Тётя Агнес была фрейлиной при дворе двадцать лет назад. Потом вышла замуж за торговца шерстью. Подрабатывала швеей. У них было большое поместье, земли. Дядя умер пять лет назад, — Милли откусила сухарь, прожевала с трудом. —Она перестала выходить из дома. Почти не говорит. Иногда плачет без причины. Она как будто... перестала хотеть жить. Её поместье разваливается, слуги разбежались. Она даже не заметит, если мы приедем. С тех пор она не выходит из своей комнаты. Говорят, она сошла с ума. Я была у неё два года назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.